

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЖУРНАЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

и

ПЕДАГОГИКИ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИСНЕРА И Ю. РОМАНА.
Водянишка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.
1895.

Вакханки. Трагедія Эврипида. Стихотворный переводъ съ соблюденіемъ метровъ подлинника, въ сопровожденіи греческаго текста и три экскурса для освѣщенія трагедіи со стороны литературной, мифологической и психической. Инноцентія Анненскаго. С.-Петербургъ. 1894. (С + 172 стр.).

При сравнительной скудости нашей переводной литературы, болѣе или менѣе удачно передающей достоинства безсмертныхъ произведеній писателей классической древности, всякій новый переводъ, отвѣчающій серьезнымъ требованіямъ, — явленіе отрадное. Съ удовольствіемъ повтому привѣтствуемъ трудъ г. Анненскаго, безспорно принадлежащій къ числу наилучшихъ переводовъ, какіе только имѣются на русскомъ языкѣ.

Содержаніе книги г. Анненскаго, какъ видно уже изъ приведеннаго ея заглавія, составляютъ помимо стихотворнаго перевода Еврипидовыхъ Вакханокъ, ея существенной части, „три экскурса для освѣщенія трагедіи со стороны литературной, мифологической и психической“, изъ которыхъ первые два — „Эврипидъ, поэтъ и мыслитель“ и „Діонисъ въ легендѣ и культѣ“ — предшествуютъ переводу, а третій, „представляющій опытъ психологическаго комментарія“, заключаетъ его. Указываемое обоснованіе ихъ, заключающееся именно въ освѣщеніи трагедіи, строго говоря, касается лишь двухъ послѣднихъ экскурсовъ, тогда какъ экскурсъ, озаглавленный словами: „Эврипидъ, поэтъ и мыслитель“, имѣетъ къ ней только косвенное отношеніе. Впрочемъ лишнимъ назвать его нельзя въ виду того, что всегда можно оправдать умѣстность рѣчи объ авторѣ передъ разборомъ его произведенія.

Экскурсъ первый „знакомитъ — говорится въ предисловіи — съ личностью и судьбой поэта, съ его эпохой, мировоззрѣніемъ, съ его художественными и сценическими приѣмами“ и начинается сообщеніемъ „Саламинской легенды“, „собирающей къ Саламинскимъ берегамъ въ рѣшительный моментъ греческой жизни всѣхъ трехъ ея великихъ трагиковъ“, Эсхила, Софокла и Еврипида. Мотивъ этой легенды наводитъ автора на мысль опредѣлить значеніе славной битвы 480 года по отношенію къ творчеству каждаго изъ помннутыхъ корифеевъ греческой драмы. Подъ такимъ угломъ зрѣнія предлагается далѣе сопоставленіе Софокла съ Еврипидомъ. „Софоклъ — читаемъ на стр. X — былъ старше Еврипида всего на 15—16 лѣтъ и даже пережилъ его, но онъ помнилъ Саламинъ, — и вотъ почему Софоклъ и Еврипидъ какъ трагики, принадлежатъ разнымъ эпохамъ“... „У Еврипида ужъ не было (этой) Саламинской закваски, и потому на его

славѣ лежитъ такая рѣзкая печать новаго періода аеинской жизни"... Въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ этими словами находится слѣдующая фраза на стр. IX: „Эврипидъ родился въ лагерь побѣдителей, и для него Саламинъ — исторія, а Мараонъ — легенда“. Непонятно, зачѣмъ подчеркивается здѣсь значеніе „Саламина“ для Эврипида, когда, съ одной стороны, нѣсколько ниже указывается на отсутствіе въ немъ „саламинской закваски“, а съ другой — говорится о рожденіи его только въ самый день битвы, т.-е. тѣмъ самымъ отрицается возможность непосредственнаго впечатлѣнія отъ нея въ душѣ поэта, еще не обладавшаго въ то время сознаніемъ и памятью. Лучше было бы для большей послѣдовательности не полагать различія въ отношеніи къ Эврипиду между „Саламиномъ“ и „Мараономъ“. За общимъ взглядомъ на поименованный выше триумvirатъ греческихъ трагиковъ слѣдуетъ ознакомленіе читателя сначала съ личностью Эврипида въ зависимости отъ условий современной поэту житейской обстановки, а затѣмъ съ выраженіемъ его творческаго духа въ словѣ¹⁾. Въ богато одаренной, художественной натурѣ поэта-философа, сказавшейся въ его произведеніяхъ по мѣстамъ особенно ярко²⁾, авторъ почерпаетъ увѣренность въ томъ, что Эврипидъ былъ художникомъ не только въ той области искусства, которая увѣковѣчила его славу, но также въ музыкѣ и живописи, и (на стр. XIX) называетъ его „музыкантомъ и живописцемъ по таланту и воспитанію“. Но если нельзя не согласиться съ тѣмъ, что „мы особенно цѣнимъ въ Эврипидѣ даръ живописца, когда читаемъ его рассказы вѣстниковъ“ (стр. XVI), то трудно безъ достаточнаго основанія признать за Эврипидомъ то мѣсто въ исторіи музыки, которое отводится ему — правда, не настойчиво — слѣдующими словами на стр. XV: „можетъ быть, его (т.-е. Эврипида) всего справедливѣе назвать отцомъ музыкальной драмы нашего вѣка“. Какъ предъ рѣчью объ эстетическомъ образованіи Эврипида предлагаются нѣкоторыя общія свѣдѣнія изъ исторіи греческой музыки и современной поэту живописи, такъ харак-

1) Приводимъ стояція на поляхъ книги леммы въ первомъ экскурсѣ: а) Происхожденіе и жизнь Эврипида. — Образованіе. — Музыка. Эврипидъ и новая музыка. Эврипидъ и живопись. — Эврипидъ и философія. — Эврипидъ-драматургъ. — Эврипидъ и политика. Судьба Эврипида; б) Аеинскій театръ 5-го вѣка. — Сюжеты трагедій Эврипида. Три основныхъ черты Эврипидовской поэзіи. — Люди, какъ они есть. Эпизодическіе герои Эврипида. Себялюбцы. — Паисосъ Эврипида. Мстисія. Безумные. Любовная страсть. — Паисосъ материнства. — Сцены призванія. — Эврипидъ-философъ сцены. — Состраданіе и надежда.

2) Г. Анненскій переводитъ рѣчь Таленбіа изъ трагедіи *Ἐκάβη* (ст. 521 и сл.), отличающуюся картинностью вызываемыхъ ею представлений, и монодію Федры изъ трагедіи *Ἰππόλυτος* (ст. 208 и сл.), какъ «славный примѣръ живописной лрики Эврипида».

теристикъ въ немъ философа предпосылается краткій очеркъ умственнаго настроенія аеинскаго общества второй половины V-го вѣка. Въ этомъ отдѣлѣ: „Эврипидъ и философія“ на стр. XX приводится между прочимъ ученіе Анаксагора въ такомъ общеніи, которое допускаетъ возраженія. Г. Анненскій говоритъ: „основой ученія Анаксагора было опредѣленіе Разума, какъ верховной и начальной причины всего міропорядка; а составъ вселенной у него тотъ же, что и въ ученіи Эмпедокла, — атомы“. Ни Эмпедоклъ, ни Анаксагоръ атомистами не были. Первый, какъ извѣстно, говорилъ о четырехъ *ῥιζώματα πάντων* — земль, водъ, воздухъ и огнѣ; второй — о *χωήματα* или *σπέσματα*, которыя существенно отличаются отъ *ἄτομοι* Левкиппа своею дѣлимостью и качественной разнородностью (см. Ист. др. фил. Виндельбанда). Въ сопоставленіи ниже (стр. XXIV) Еврипида съ Сократомъ для указанія на то, „сколько убѣждений должно было ихъ раздѣлять“, не всегда строго выдержаны предлагаемыя антитезы. Приводимъ одну изъ нихъ: „Эврипидъ всегда учился и любилъ книгу; Сократъ только доказывалъ учащему, что онъ не знаетъ того, чему учить“. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Сократъ не учился и не любилъ книгу; и едва ли позволительно сомнѣваться въ его начитанности. Останавливаясь затѣмъ на одномъ Еврипидѣ, авторъ задаетъ вопросомъ, была ли у него своя философская система, и склоняется при этомъ въ сторону отрицательнаго отвѣта. Слѣдующая глава: „Эврипидъ-драматургъ“ (стр. XXV) по своему содержанію не столько отвѣчаетъ данному ей заглавію, сколько пополняетъ біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя въ главѣ: „Происхожденіе и жизнь Еврипида“ (стр. X). Изъ послѣднихъ двухъ главъ, заключающихъ рѣчь о личности поэта, одна касается отношенія его къ политической жизни родного города, а другая („Судьба Еврипида“) примыкаетъ къ указаннымъ выше главамъ съ біографическимъ матеріаломъ. — Въ началѣ второй части перваго экскурса (стр. XXXII), направленной къ характеристикѣ Еврипидовой поэзии, нѣсколько словъ посвящаются аеинскому театру V-го вѣка, на сценѣ котораго давались пьесы философа-трагика. „Начала сцены — говорятъ на стр. XXXII — были освящены религіей, но опредѣлить связь театра съ культомъ довольно трудно“. „Гораздо легче — читаемъ далѣе на стр. XXXIV — установить зависимость театра отъ общины, отъ государства“. „Самое начало аеинской сцены придаетъ ей болѣе государственннй, чѣмъ религіозный характеръ“ (стр. XXXIII). Таковы высказываемыя авторомъ положенія по темному вопросу о началѣ аттической драмы. Изъ нихъ послѣднее, нуждающееся въ убѣдительной аргументаціи, таковою, къ сожалѣнію, не подтверждено; первое въ силу своей редакціи не даетъ надлежащаго представленія о взаимномъ отно-

шеніи греческаго культа и театра (не простой связи между ними, а генезисъ второго изъ перваго), и если зато дальше (стр. XXXIII) объявляется, что „драма вышла изъ страстнаго диониса въ честь бога-героя, занесеннаго на Олимпъ чужеземнымъ и сравнительно позднимъ теченіемъ“, то въ результатъ читателю трудно отдать себѣ отчетъ въ прочитанныхъ ранѣе словахъ, что „опредѣлить связь театра съ культомъ довольно трудно“; слѣдовало бы ясно высказать, что трудно доискаться таящагося въ сферѣ религіи зародыша аттической драмы и прослѣдить первые шаги въ ея развитіи^{*)}; между тѣмъ на стр. XXXIII, какъ уже было отмѣчено, говорится, что самое начало аеинской сцены придаетъ ей болѣе государственный, чѣмъ религіозный характеръ, какъ будто бы начало аеинской сцены такъ хорошо намъ извѣстно. Для объясненія „ослабванія съ годами религіознаго значенія театра“ указываются „три исконныя черты аеинской сцены, которыя идутъ въ разрѣзъ съ культомъ“. Одна изъ нихъ выражена словами: театръ общенароденъ (стр. XXXIII). Но религія развѣ не общенародна? — Содержаніе рѣчи, слѣдующей за общимъ взглядомъ на аеинскую сцену, какъ и порядокъ ея изложенія, опредѣляется приведеннымъ въ выносѣ 1) в наименованіемъ входящихъ въ ея составъ отдѣльныхъ пунктовъ. Авторъ знакомитъ читателя и съ общимъ направленіемъ Еврипидовой музы и съ разными героями ея, при чемъ цитируетъ изъ трагедій нѣкоторыя сцены въ хорошемъ русскомъ переводѣ. Въ заключеніе же всей характеристики Еврипида, „поэта и мыслителя“, говорится о состраданіи и надеждѣ, какъ великихъ двухъ силахъ, которыя вызывались въ душѣ его непрестаннымъ стараніемъ разобраться въ страданіяхъ міра.

Во второмъ экскурсѣ, озаглавленномъ словами: „Діонисъ въ легендѣ и культѣ“, на ряду съ изложеніемъ мифовъ, связанныхъ съ именемъ этого бога, сообщаются имѣющіяся по вопросу о культѣ его свѣдѣнія изъ области сакральныхъ древностей, при чемъ обрисовывается и ликъ Діониса въ различныхъ его фазахъ. Не вдаваясь въ изложеніе содержанія этого экскурса, ограничиваемся перечисленіемъ леммъ, указывающихъ отдѣльныя его части.

Мифъ и культъ. Діонисъ. — Оргіи въ поэзіи. Оргіи въ историческомъ освѣщеніи. Фракія. Менада-амазонка. Вино. Бровь. Музыка. Вѣщій даръ. — Легенда о рожденіи Діониса. Діонисъ ребенокъ. — Загрей. — Діонисъ и пираты. Пере-

^{*)} Говоримъ это, имѣя въ виду назначеніе книги г. Анненскаго для популярнаго чтенія, явствующее изъ характера изложенія ея. (На стр. XI, напр., читаемъ: „сучили Еврипида не по учебникамъ, которыхъ еще не было“).

вѣдъ Гомеровскаго гимна. — Легенды объ установленіи культа. — Тіась Діониса. — Діонисъ-освободитель. — Виноградная легенда. — Аттическія Діонисіи. — Мистеріи и Діонисъ — мистъ. — Лидійскій Діонисъ. — Всемирный Діонисъ. — Діонисъ и Агни-Сома. — Имена Діониса. — Женopodobный образъ Діониса. Діонисъ въ искусствѣ.

Самая трагедія „Вакханки“, приведенная (на лѣвыхъ страницахъ) въ греческомъ текстѣ, предлагается (на правыхъ) въ стихотворномъ переводѣ⁴⁾, примѣняющемся въ метрическомъ отношеніи къ подлиннику. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Анненскій говоритъ, что при составленіи текста онъ руководился главнымъ образомъ Веклейномъ (1879), а при переводѣ болѣе всего заботился о точности, подѣ которой разумѣетъ не только грубую точность — словесную и стилистическую, но и точную передачу художественнаго впечатлѣнія. И дѣйствительно, въ общемъ переводъ близокъ къ оригиналу, соответствуетъ ему по своему тону и сдѣланъ прекраснымъ русскимъ языкомъ. Но встрѣчаются по мѣстамъ и уклоненія отъ образца, происходящія вслѣдствіе отступленія отъ возможно строгой передачи какъ самаго текста трагедіи, такъ и психологическихъ мотивовъ ея отдѣльныхъ моментовъ. Такъ, напримѣръ, можно указать на неточность перевода слѣдующихъ стиховъ.

Ст. 39—40: *δεῖ γὰρ πόλιν τήνδ' ἐκμαθεῖν καὶ μὴ θέλει
ἀτέλεστον οὖσαν τῶν ἐμῶν βασιλευμάτων.*

Переведено: „да, городъ, ты почувствуешь теперь, что до сихъ поръ чуждался оргіи Вакха“. Въ этомъ переводѣ оставлены безъ вниманія слова *καὶ μὴ θέλει*, несомнѣнно имѣющія на себѣ удареніе.

Ст. 130—131: *παρὰ δὲ μαινόμενοι Σάτυροι
πατέρος ἐξανόσαντο θεῆας.*

Переведено: „Рея сатирамъ его (т. е. тимпанъ) отдала: звонкая кожа съ ума ихъ свела“. Сатиры, сказано, *ἐξανόσαντο*, т. е. выпросили; они *μαινόμενοι* не потому, что слышали шумъ тимпановъ; и до того они такими были (бѣшеными, но не сумасшедшими).

⁴⁾ При чемъ, однако, переводъ не всегда соответствуетъ тексту: такъ въ ст. 406 г. Анненскій принимаетъ чтеніе рукописи *Πάφον θ' ἂν ἐκατόστομοι βαρβάρων ποταμῶν ποαὶ καρπίζουσιν ἀνομβροί*, между тѣмъ какъ переводъ данъ по конъектурѣ *χθόνα θ' ἂν κτέ*, именно: «туда, гдѣ безъ дождей полины Воды Нила златоустаго». Но разумѣется, это не болѣе какъ корректурный недосмотръ: самый переводъ доказываетъ, что переводчикъ старательно вдумался въ смыслъ на него мѣста.

Ст. 135 слл. Начинающійся съ этого стиха эподъ парода лучше читать согласно съ Вруномъ: ἡδὺ γ', ἐν οὐρεσιν ὅς ἄν | ἐκ θιάσων δρομαίων | κέσῃ κέδοσε... и т. д. въ виду стиховъ 704—711, освѣщающихъ надлежащее пониманіе этого парода, изъ которыхъ видно, что падаетъ въ бѣгѣ не Діонисъ, а вакханка. Слѣдую другому чтенію: ἡδὺς ἐν οὐρεσιν, εὐτ' ἄν..., г. Анненскій переводить: „О, какъ я люблю Діониса, Когда онъ одинъ на горѣ Отъ легкой дружины отстанетъ, Въ истомѣ на землю падетъ“. Но тогда непонятно, кто же тотъ ἔξαρχος, что упоминается дальше (ст. 141); если не Діонисъ, то, слѣдовательно, богъ изнемогаетъ въ бѣгѣ скорѣе, чѣмъ его спутницы. Потому, вѣроятно, г. Анненскій и обходитъ это слово, перевода ст. 141: ὁ δ' ἔξαρχος, 'Βρόμιος ενοί' — такъ: „но чу! прозвучало: „о Вакхъ, Эвои!“ — Въ эподѣ оставлены безъ перевода стихи 148—149: δρόμων καὶ χοροῖς ἐρεθίζων κλαράτας | λαχαῖς τ' ἀναπάλλων...

Ст. 173—175(6): ἴτω τις, εἰσαγγελλε Τειρεσίας δι
 ζητεῖ νιν· οἶδε δ' αὐτὸς ὢν ἤκω πέρι
 ἃ τε ξυνεθέμην πρόσβυς ὢν γεραιτέρω,
 θύροβους ἀνάπτειν....

Переведено: „такъ пускай ко мнѣ онъ выйдетъ. Ты ему скажи, Что ждетъ его Тиресій. Онъ, согбенный, И я, старикъ, сегодня мы должны Взять тирсы“... Переводъ свободный безъ особой надобности; важное слово ξυνεθέμην не передано.

*Ст. 217—218: (κλύω) γυναῖκας ἡμῖν δώματ' ἐκλελοιπέναι
 πλασταῖσι βακχεΐαισιν.*

Переведено: „домá, дѣтей (отчего не „дома свои“ для большей точности?) Фиванки побросали, Въ вакхическомъ безуміи онѣ (скитаются)“... Πλασταῖσι βακχεΐαισιν (dat. causae) не значить: въ вакхическомъ безуміи, но: подъ предлогомъ мнимыхъ вакхическихъ таинствъ.

Ст. 248(9). Слова τὸν τερασχόλον Τειρεσίαν переведены: Тиресій чудодѣй. Τερασχόλος = гадатель, прорицатель, но не чудодѣй (= ἐλφός, ст. 234), которымъ Тиресій не былъ.

*Ст. 268—269: σὺ δ' εὐτροχον μὲν γλώσσαν ὡς φρονῶν ἔχεις
 ἐν τοῖς λόγοισι δ' οὐκ ἐπεισὶ σοι φρένες.*

Переведено: „на бойкость языка всѣ возложилъ надежды: Твоими рѣчамъ не достаетъ ума“. Пенеей убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ; возлагаетъ же надежды на бойкость языка тотъ, кто сознаетъ несправедливость своихъ словъ. Этимъ указывается погрѣшность въ переводѣ стиха 268. Проф. Зѣлинскій перево-

дить: „у тебя же языкъ вращается легко, точно у благоразумнаго, но въ рѣчахъ твоихъ разума нѣтъ“.

*Ст. 322—323: ἐγὼ μὲν οὖν καὶ Κάδμος, ὃν σὺ διαγελᾶς,
κισσῶ τ' ἐρεψόμεσθα καὶ χορεύσομεν...*

Переведено: И такъ, покрывши голову плющомъ, На смѣхъ тебѣ, плясать мы съ Кадмомъ будемъ“... Переводъ: на смѣхъ тебѣ словъ *ὃν σὺ διαγελᾶς* (= надъ которымъ ты глумишься) — уже намѣренная неточность въ передачѣ греч. текста, которая къ тому же не находитъ себѣ оправданія въ общемъ тонѣ рѣчей Тиресія и Кадма, чуждомъ всякой злобы.

*Ст. 360—362: στείχωμεν ἡμεῖς, Κάδμω, καὶξαιτώμεθα
ὑπὲρ τε τοῦτου καὶπερ ὄντος ἀγρίου
ὑπὲρ τε πόλεως τὸν θεὸν μηδὲν νέον | δρᾶν.*

Переведено: „Пойдемъ же, Кадмъ, молить, чтобъ за него, За этого свирѣпаго безумца, На городъ Фивы богъ еще бѣды Намъ не наслалъ“. Неточность перевода здѣсь особенно чувствительна, такъ какъ она скрадываетъ всю обаятельность Тиресіевыхъ словъ, въ которыхъ слышится молитва за врага. Въдѣ вотъ что сказано въ этихъ стихахъ: „Пойдемъ, Кадмъ; помолимся богу и за него, какъ онъ ни свирѣпъ, и за народъ, чтобы онъ пощадилъ обоихъ“ (переводъ проф. Зѣлинскаго). Это голосъ милосердія, а не злобы. Характеристика лицъ не должна страдать отъ перевода.

*Ст. 479—480: Πενθ. τοῦτ' αὖ παρωχέτευσας εὐ καὶδὲν λέγων.
Διον. δόξει τις ἀμαθεῖ σοφὰ λέγων οὐκ εὐ φρονεῖν.*

Переведено: *Π.* „Опять вянешь. Дѣло говори!“ — *Д.* Глупцомъ невѣждѣ кажется и умный“. Отвѣтъ неожиданный. Въ такой формѣ онъ былъ бы понятенъ въ томъ случаѣ, если бы Пенеей назвалъ Діониса глупцомъ (*ἀμαθής*); но въ словахъ Пенеея, выражающихъ досаду на то, что Діонисъ лавируетъ въ своихъ отвѣтахъ, сивозить признаніе за послѣднимъ качества обратнаго *ἀμαθία*. Впрочемъ въ греческомъ текстѣ не то и сказано: *ἀμαθεῖ*, безъ сомнѣнія, есть *dativus* непрямого объекта, зависящаго отъ *λέγων*, а не *δόξει*; такъ что ст. 480 значить: „неразуменъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы невѣждамъ давать мудрые отвѣты“ (пер. проф. Зѣл.).

*Ст. 498—499: Διον. Λύσει μ' ὁ δαίμων αὐτός, ὅταν ἐγὼ θέλω.
Πενθ. ὅταν γε καλέσῃς αὐτὸν ἐν Βάκχαις σταθεῖς.*

Переведено: *Д.* „А богъ отпуститъ, стоитъ пожелать мнѣ“. — *Π.* „Въ толпу вакханокъ прежде попади“. Эти слова Пенеея

поясняются въ выноскѣ (стр. 51) такъ: т.-е. это настолько же невозможно, какъ теперь тебѣ попасть на волю и уйти на Клееронъ. Не будетъ ли проще другое пониманіе текста? Діонисъ говоритъ *ὅταν ἐγὼ θέλω*, Пенеей это *ὅταν* ядовито исправляетъ (*ὅταν γε καλέσης...*), при чемъ его слова имѣютъ такой смыслъ: „зови себѣ его, сколько угодно, этого освободителя, даже и не одинъ, а съ вакханками своими, когда запрутъ тебя къ нимъ въ тюрьму“. Не слѣдуетъ забывать при этомъ стиховъ 226—232 изъ рѣчи впервые появляющагося на сцену Пенеея: *ὄσας (т. е. вакханокъ) μὲν οὖν εἴληφα, δεσμίους χέρας | σώζουσι παρθήμοισι προσκόλοιστέγαις | ὄσαι δ' ἄλεισιν, ἐξ ὄρους θηράσομαι.... καὶ σφᾶς σιδηραῖς ἀρμόσας ἐν ἀρχυσι | λαύσω κακούργου τῆδε βακχείας τάχα.*

Ст. 518: ἡμᾶς γὰρ ἀδικῶν κείνον εἰς δεσμούςσιν ἄγεις.

Переведено слишкомъ кратко: „богъ въ оковахъ“. Діонисъ не можетъ выдавать себя за бога.

Ст. 591—592: ἴδὲ τὰ λάινα κίονιν ἔμβολα | διάδρομα τάδε.

Переведено: „видишь: расходятся балки изъ мрамора“. Непонятно, какія имѣются въ виду „балки изъ мрамора“. *τὰ λάινα κίονιν ἔμβολα* = каменный архитравъ (*ἐπιστύλιον*).

*Ст. 664—665: Βάκχας ποτνιαδάς εἰσιδὼν, αἰ τῆσδε γῆς
οἴστροισι λευκὸν κῶλον ἐξηκόντισαν | ἦκα....*

Переведено: „(пришелъ) повѣдать про божественныхъ менадъ: Въ безумномъ бѣгѣ бѣлыми ногами Онѣ медькаютъ“. Выраженіе *λευκὸν κῶλον ἐξηκόντισαν* (ср. *θήσω λευκὸν πόδα* въ ст. 863) соответствуетъ нашему прозаическому: побѣжали такъ, что только пятки засверкали, — и, какъ это послѣднее, не имѣетъ въ виду бѣлизны ногъ.

*Ст. 726—727: πᾶν δὲ συνεβάκχεν ὄρος
καὶ θῆρες, οὐδὲν δ' ἦν ἀκίνητον δρόμον.*

Переведено: „все лиговало съ ними (т.-е. вакханками) — горы, звѣри, Отъ топота задвигалась земля“. *Δρόμον* — *dativus modi*, не *causae*. Менады бѣгаютъ легко, онѣ сравниваются въ ст. 1090 съ голубками (*πέλαιαι*); отсюда видно, что слова *οὐδὲν δ' ἦν ἀκίνητον δρόμον* значать: все закружилось въ быстромъ бѣгѣ.

Ст. 759: φερόμενοι Βακχῶν ἔλο — переведено: „потокомъ уносимые“. По правильному замѣчанію Веллейна *φέρειν* означаетъ здѣсь „грабить“. *Ст. 813—815: Διον. τί δ' εἰς ἔρωτα τοῦ δεπέπτοκας μέγαν;*

*Πενθ. λυκρῶς νιν εἰσίδου' ἄν ἐξωραμέντας.
Διον. ὄμως δ' ἴδοις ἄν ἠδέως ἃ σοι πικρά;*

Переведено: Д. „Что жь посмотрѣть менадъ такъ загорѣлось?“
 П. „Позорно пьяными я видѣть ихъ хочу“.
 Д. „Какъ? съ радостью ты испыталъ бы горечь?“

Λυκρῶς въ ст. 814 слѣдуетъ относить въ *εἰσίδου' ἄν*, а не въ *ἐξωραμέντας*; это *λυκρῶς εἰσίδου' ἄν* и вызываетъ изъ устъ Діониса слова *ἃ σοι πικρά* (= *λυπηρά*) въ слѣдующемъ ст. 815. Проф. Зѣлинскій такъ переводитъ эти стихи: Д. „Откуда же у тебя явилось такое страстное желаніе? П. Желаніе? Нѣтъ! мнѣ будетъ больно видѣть ихъ отягченными виномъ. Д. Какъ же такъ? тебѣ хочется взглянуть на то, что тебѣ больно?“

Ст. 863 и слл. Въ переводѣ начинающагося съ этого стиха третьяго стасима нѣтъ никакого указанія на сравненіе въ греческомъ текстѣ бѣгущей вакханки съ быстрою ланью, о которой много говорится.

Ст. 973(4): *ἔκτειν', Ἀγαύη, χεῖρας αἷ θ' ὀμόβοροι | Κάδμου θυγατέρας...* Переведено: „Агава съ сестрами, вы, порожденіе Кадма!...“ Говорится по-русски: порожденіе ада, порожденіе ехидны и т. д., и потому неудобно употребить въ переводѣ это слово съ именемъ Кадма. Въ ст. 1181 Агава называется любимыхъ сестеръ даже „отродьемъ“ (?) Кадма (*Κάδμου γένεθλα*).

Ст. 1168 и слл. Въ дѣленіи на части отдѣльныхъ стиховъ коммоса — разговора между Агавой и хоромъ азіѣскихъ вакханокъ — безспорно лучше было бы слѣдовать Бруну.

Иногда рѣчи дѣйствующихъ лицъ передаются тономъ, не соответствующимъ характеру этихъ рѣчей въ устахъ самого поэта, что зависитъ, конечно, отъ пониманія авторомъ героевъ трагедіи. Сказанное касается главнымъ образомъ тѣхъ сценъ, въ которыхъ разговаривающими лицами являются Діонисъ и Пенеей, — напимѣръ пятой сцены третьяго эписодія, гдѣ сила трагизма значительно ослаблена въ переводѣ тѣмъ, что совсѣмъ не выражена внутренняя борьба карающаго бога, борьба его правосудія съ милосердіемъ, и гдѣ въ то же время разговору Діониса съ своей жертвой сообщается развязность, не согласующаяся съ той художественной непринужденностью, которая отмѣчается у Еврипида обращеніе Вакха съ юнымъ царемъ. Мы переходимъ такимъ образомъ къ третьему „экскурсу“, въ которомъ подводятся итоги прочитанной трагедіи въ связи съ характеристикой ея главныхъ героевъ. Если съ послѣдней во многомъ нельзя не согласиться, то, съ другой стороны, многое также въ ней трудно признать справедливымъ. Такъ характеристика Пенеея имѣетъ исключительно отрицательный характеръ. Онъ признается „грубой натурой“, „злымъ, жестоко-

сердымъ человѣкомъ“ съ умомъ „узнимъ“, „грубымъ“ и т. д., и наружности онъ будто бы безобразной (стр. 162), начиная съ огромнаго роста (стр. 160). Но такъ ли это? Ни откуда не видно, чтобы внѣшность Пенеея была отталкивающей; названіе *tókos ἡγευής* (ст. 996) касается только происхожденія Пенеея, отношенія же къ наружному его виду не имѣеть. При отсутствіи прямыхъ указаній на образъ Пенеея приходится чертить его, руководясь косвенными соображеніями. Уже стоящее на первомъ планѣ достоинство (*ἀξίωμα*) трагедіи, которое не мирится съ тѣмъ, что такъ или иначе способно вызвать смѣхъ, намѣчаетъ портретъ еиванскаго царя: отправляясь на Клееронъ, онъ одѣваетъ женское платье, и развѣ торжественность этого момента драмы не допускаетъ ничего *γελοίου*, то очевидно, что Пенеей долженъ быть благообразенъ даже не въ своемъ нарядѣ. То же подсказеть и другое соображеніе: „трагичнѣйшій изъ поэтовъ“ Еврипидъ не преминулъ, конечно, измыслить и объять все то, что должно было послужить къ вѣщней силѣ трагизма его пьесы, довести въ душѣ зрителя до апогея чувства состраданія (*ἔλεος*) и ужаса (*φόβος*). Но что же сильнѣе заставитъ говорить въ насъ эти чувства — того ли гибель, кто отвратителенъ и взору, или страданія того, кто отвращенія этого къ себѣ не вызываетъ? — Нѣтъ, Пенеей не тотъ, какимъ представляетъ его г. Анненскій.

Пенеей не золъ, не жестокъ сердцемъ, онъ только кажется такимъ, какъ человѣкъ крутого нрава. Вѣдь уважаетъ же онъ старость и снисходитъ къ ней⁵⁾; онъ называетъ дѣда нѣжнымъ именемъ отца (*πάτερ* ст. 251), и его теплое отношеніе къ Кадму видно изъ плача послѣдняго въ концѣ трагедіи (ст. 1302—1326); онъ любитъ также и высоко цѣнить свою мать Агаву: когда, въ маніи величія воображая себя побѣдителемъ менадъ, Пенеей мечтаетъ о своемъ триумфѣ, а Діонисъ ему говорить, что назадъ съ Клеерона его, Пенеея, понесутъ, то, предвкушая верхъ блаженства, царь хочетъ, чтобы несла его нѣжно любимая мать, не кто иной (*Διορ. κείθεν δ' ἀπείξει σ' ἄλλος — Πενθ. ἡ τεχοῦσα γε...*). Стоитъ отнять этотъ смыслъ у стиховъ 965 и сл., и какъ спадетъ, если не разрушится, сила трагизма! Откажите Пенеею въ сыновней любви, какъ повлияетъ у васъ и тотъ раздирающій душу моментъ его казни, когда онъ умоляетъ Агаву не терять своего дитяти (ст. 1118—1121). Направленіе ума его и воли благородно; несчастіе его лишь въ томъ, что онъ не властенъ надъ собою. Онъ говоритъ: „на правду гнѣваться нельзя“⁶⁾, но совладать съ собой не можетъ и гнѣвается

⁵⁾ Ст. 258—259: Π. εἰ μὴ σε γῆρας πολὶὸν ἐξεργόετο, καθῆσ' ἄν ἐν βράχχαισι δέσμοις μέσαις.

⁶⁾ Ст. 678: Π. τοῖς γὰρ δίκαιοις οὐχὶ θυμολοῦμαι χρεών.

на нее. Поборникъ нравственности, онъ не въ силахъ при всемъ своемъ стараніи освободиться отъ вліянія той среды, гдѣ владычицей Киприда. Какъ Тиресій постигъ божество Діониса, такъ не понялъ его Пенеей; въ томъ виновата мать его, своимъ примѣромъ закрывшая ему путь къ Вахху. И потому, не давъ покаяться Агавѣ съ сестрами и наказавъ своимъ *ὀϊστρος* гордость ихъ, Ваххъ милуетъ еще Пенеея въ надеждѣ повліять на его добрую волю. Но въ жилахъ Пенеея течетъ материнская кровь, и гордый умъ — печать его души. Не можетъ онъ склониться передъ тѣмъ, что до того попраля презрѣнемъ, или сознаться въ ложности того, что разъ призналъ за правду. И Пенеей погибъ; онъ оправдалъ нареченное ему имя *Πενθεύς*: страдать было удѣломъ его. Но откуда же эти страданія? Гдѣ ихъ источникъ? Въ вѣчной борьбѣ непокорнаго разума, въ немолчній скорби алчущей души, навѣи чуждой желаннаго удовлетворенія. Пенеей вѣрилъ въ торжество ума и, какъ *σοφός*, задался цѣлью быть поборникомъ его. Онъ признавалъ боговъ, поскольку ихъ могущество было для него не наиву. Но лишь ему пришлось считаться съ сверхъестественною силой, онъ не захотѣлъ ее признать въ ущербъ стремленію ума на независимый просторъ. Разъ отдѣлившись отъ легковѣрной толпы, онъ навсегда остался одинокимъ. И для чего? Чтобы, умирая, облачить себя во лжи (*ἄμαρτία*, ст. 1121)... Но онъ великъ, какъ страдалецъ, какъ мученикъ идеи, роковой дорогой шедшій къ познанію истиннаго свѣта. И богъ, воздавая грѣшнику достойную мзду, вѣнчалъ его славою испукителя многихъ заблудшихся смертныхъ, указавшаго имъ праведный путь. „Ты великъ, великъ Пенеей, велики и страданія, которымъ ты обрекъ себя, но и слава твоя вознесется до небесъ“. „Одинъ за весь городъ, одинъ ты страдаешь“⁷⁾ — съ глубокой грустью сказалъ Діонисъ во слѣдъ своей жертвѣ. Ту грусть и мы раздѣляемъ: намъ дорогъ Пенеей, такимъ его создалъ поэтъ. Да, онъ близокъ сердцу Еврипида, этотъ Пенеей, этотъ страдалецъ *σοφός*. Развѣ не страдалъ Еврипидъ такъ же, какъ онъ? Не претерпѣлъ развѣ гоненія злой судьбы подобно сыну Агавы. Вѣдь онъ — поэтъ-философъ; онъ самъ — *Πενθεύς*; и характеризую его, Еврипидъ писалъ самъ себѣ приговоръ...

Итакъ, можно ли назвать Пенеея грубой натурой? Г. Анненскій, объясняя неудачу Тиресія, желавшаго обратить на путь истины Пенеея говорить: „Пентей едва ли и слушаетъ эти краснорѣчивыя тирады — философія и риторство прельщаетъ гиганта не болѣе, чѣмъ выклопа“. Но при чемъ тогда первая

7) Ст. 971—972: *δεινός σὺ, δεινός καὶ δειν' ἔργη πάθη.*

ἄσπ' οὐρανῶ στήριζον ἐθρήσεις κλέος.

Ст. 968: *μόνος σὺ πόλεως τῆσδ' ὑπερχάμνεις, μόνος.*

антистрофа первого стасима? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что слова въ ней *τὸ σοφὸν δ' οὐ σοφία | τὸ τε μὴ θρητὰ φρονεῖν* (ст. 395—396) имѣютъ прямое отношеніе къ Пенеею. Въ связи съ этимъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ бы можно было ожидать, представляется и отношеніе къ Пенеею Діониса. Оно также характеризуется лишь съ отрицательной стороны, при чемъ упускается изъ виду въ немъ одна дивная черта, придающая всей трагедіи особую окраску; эта черта — участіе карающаго бога къ злой судьбѣ своей жертвы, двойственность воли его, исполненная трагизма сама по себѣ. Діонисъ знаетъ, что рокъ судилъ Пенеею, но ему жаль юношу-грѣшника, и онъ искушаетъ для него свое долготерпѣніе. Но все напрасно, не помогли и чудеса. И все же Діонисъ не хочетъ разстаться съ надеждой образумить Пенеея, примириться съ нимъ. Приблизившись и положивъ руку на плечо къ нему, онъ говоритъ ему любвеобильно, задушевно: „другъ мой! есть еще возможность все къ лучшему устроить“. Но Вакхъ опять отринуть; угасъ послѣдній лучъ его надежды, путемъ любви и мира дойти до истины Пенеей не можетъ; онъ къ ней избралъ другой, тернистый путь... Величіе этого момента, къ сожалѣнію, разрушено въ переводѣ:

Пенеей. Вотъ навязался-то болтунъ безпутный:

Ни отдыху, ни сроку не даетъ.

Діонисъ. Любезнѣйшій! А дѣло можно сладить!⁸⁾

Трудно примириться и съ приговоромъ г. Анненскаго о Кадмѣ, который представляется ему лицемѣромъ. Однако ограничимся сказаннымъ о главныхъ герояхъ трагедіи, на которыхъ мы остановились потому, что отъ пониманія преимущественно ихъ, Діониса и Пенеея, зависитъ пониманіе всей трагедіи. Въ нашемъ пониманіи ея дѣйствующихъ лицъ мы охотно подчиняемся авторитету проф. Ф. Зѣлинскаго, въ освѣщеніи котораго она приобретаетъ особенную цѣну.

Возвращаясь къ разбираемому переводу „Вакханокъ“, замѣтимъ, что, съ одной стороны, нѣкоторыя неточности въ немъ находятъ себѣ оправданіе въ трудности стихотворнаго перевода, а съ другой — многое (напр. *ῥῆσις ἀγγελικῆ* въ пятомъ эписодіи)

⁸⁾ Ст. 800—802: *Π. ἀπόρρη γὰρ τῶδ' ἀσυμπλέκμεθα ξένω,*
ὅς οὐτε πάσων οὐτε θρῶν αἰχῆσται.
Δ. ὦ τάν, ἔτ' ἔστιν εἰς καταστροφῆς τῶδ'.

Проф. Зѣлинскій переводитъ такъ: Π. «Съ какимъ невыносимымъ чужестранцемъ свела меня судьба! Что съ нимъ ни дѣлай — онъ не хочетъ молчать». Діонисъ торжествующе смотритъ на Пенеея, какъ бы готова рѣшительный ударъ; но мало-по-малу его лицо и движенія начинаютъ выражать состраданіе къ молодому царю, онъ приближается къ нему, кладетъ ему руку на плечо и тономъ искренняго участія говоритъ ему: «Другъ мой! еще есть возможность все устроить къ лучшему».

переведено очень хорошо, такъ что встрѣчающіяся въ переводѣ погрѣшности не портятъ общаго впечатлѣнія отъ него.

Наибольшее изъ вышеуказанныхъ достоинствъ его состоитъ въ легкости рѣчи и отсутствіи въ послѣдней несвойственныхъ русскому языку оборотовъ и выраженій. Приводимъ для примѣра нѣсколько стиховъ перевода.

Вотъ начало разсказа второго вѣстника (ст. 1078 сл.):

Въ лѣсную глушь сначала мы забрались
И свли тамъ на травкѣ, пріютась;
Старались не шумѣть, едва шептали ,
Чтобъ не открыли зрителей онѣ.
Глядимъ -- лощина, а вокругъ все скалы,
А въ той лощинѣ ели да ручьи;
Подъ елями, глядимъ, сидятъ менады
И всѣ по сердцу дѣломъ заняты:
Тѣ облетѣвшій снова навиваютъ
На тирсы плющъ, а тѣ между собой
Перекликаются вакхическимъ напѣвомъ,

— А вотъ образчикъ лирической пѣсни въ переводѣ г. Анненскаго (ст. 556 сл.):

Гдѣ теперь за желтымъ тирсомъ
Діонисъ, твой рой летитъ?
По лугамъ ли тучной Нисы
Иль Парнасъ тебя взманилъ,
Или заросли лѣсныя
По ущелиямъ Олимпа,
Гдѣ игру Орфея слушать
Звѣри дикіе стекались,
И сходили съ мѣстъ деревья?
О Піерія, ликуй!
Эвій чтитъ тебя и гиблыхъ,
Ививающихся въ пляскѣ,
Онѣ ведетъ къ тебѣ вакханокъ.

Такимъ образомъ успѣхъ книги г. Анненскаго среди любителей чтенія древнихъ классиковъ обезпеченъ, и намъ остается только пожелать отъ ея автора новыхъ переводовъ.

Б. Некрасовъ.